

Моей бабушке, Сандре Бёрджис, которая всегда понимала, как важно приумножать библиотеку и обмениваться увлекательными книгами. И моему сыну, который каждый день показывает мне, что такое необузданная магия.

Все́му свету известно, что мой старший братец Чарльз — закоренелый азартный игрок, ужасный соня и единственный в нашем семействе, кому лень ввязываться в общие споры, даже если мои сестры ведут себя невыносимо — а уж они это умеют.

Однако есть у Чарльза и одна сияющая добродетель. Рано или поздно он поддается на уговоры.

— Ты ведь отлично знаешь, Кэт, — прошептал он мне, — маман тебя просто убьет, если узнает. — Маман мы называли мачеху. Говоря это, братец зевал во весь рот, получалось невнятно, но я уже давно привыкла и всё понимала. Дело в том, что с тех самых пор как Чарльза с позором выгнали из Оксфорда, он засел дома и всё время спал: так ему удобнее всего было уклоняться от любых обязанностей. Но всё-таки, жалуюсь, кряхтя и зевая, Чарльз послушно спускался за мной по скрипучей деревянной лестнице скромного домика, где жил мой отец-викарий и вся наша семья.

Чарльзу было попросту лень сопротивляться, если противник не сдавался после его первого отказа. Ну а я — не верите, спросите моих сестер и брата, — от природы очень упряма и умею настоять на своем.

Снаружи всё еще висела темнота, и свеча, которую я несла, едва озаряла лестницу. Я подняла ее повыше, чтобы Чарльзу было лучше видно, а сама осторожно перешагивала через подгнившие ступеньки.

— Маман меня не убьет, — ответила я шепотом, — потому что ничего не узнает. К тому же у нее забот полон рот, она готовится к свадьбе, поэтому с утра ей будет не до нас.

— Хм... — Брат хмыкнул в сомнениях, но спорить дальше, по обыкновению, поленился. И правильно сделал, потому что ему всё равно не под силу было меня переубедить.

Через три часа моя старшая сестра Элисса пойдет под венец. Через четыре, ну, через пять, если свадебный завтрак затянется, Элисса уедет, и вся наша жизнь совершенно переменится. Отныне, даже приезжая с визитами, она будет привозить с собой мужа — и хотя ее добродушный жених, мистер Коллингвуд, был мне по нраву, всё равно наша жизнь будет иной. Во-первых, Элисса и ее муж будут ночевать в одной комнате. А значит, мне уже никогда не проскальзывать к Элиссе в любое время дня или ночи за утешением или советом о том, как противостоять мачехе. Или просто чтобы Элисса похлопотала надо мной, как делала с самого моего рождения, когда мама умерла и оставила меня на сестер — они-то меня и вырастили.

Бывало, я злилась на Элиссу за чопорность и высокомерие, за нудные нотации насчет приличий, за то, что в ее глазах я даже в двенадцать лет оставалась маленькой. И всё же сегодня я проснулась под утро, в четыре часа, и долго лежала у себя на чердаке, таращась в темноту, а потом встала и пошла будить лежебоку Чарльза. То, что я задумала, ужаснуло бы благовоспитанную Элиссу до глубины души. Но я знала: если не выполню задуманное, просто рехнусь.

Когда мы с братом наконец преодолели лестницу, я облегченно вздохнула. Ура, никого не разбудили.

— Иди за мной, — шепотом велела я. — Миссис Уоткинс еще не вставала, и в кухне нас никто не застукает.

В ответ Чарльз пожал плечами и поплелся за мной — как был, в халате, ночном колпаке и ночных туфлях. Из-под колпака торчали всклокоченные волосы: когда я вошла, брат спал носом в подушку. Волосы у них с Элиссой похожие, белокурые. Пока папа не поседел, у него были точно такие же. Совершенно не понимаю, как можно спать носом в подушку, — дышать ведь трудно. Впрочем, я вообще мало что понимала про Чарльза с тех самых пор, как пять лет назад к нам в дом вошла мачеха и отослала его учиться в Харроу¹, чтобы вырос джентльменом.

Чарльз мог бы вернуться из школы другим человеком, но, по крайней мере, он научился там кое-чему полезному.

Очаг погас, и в просторной кухне было холодно, а к узкому окну снаружи прижимался ночной мрак. Я разве-ла огонь, зажгла две сальных свечи и велела Чарльзу отодвинуть тяжелый деревянный стол вбок.

— Отлично! — Я встала на освободившееся место и сжала кулаки в точности так, как брат учил меня еще год назад — когда его выгнали из Оксфорда за плохое поведение. С потолка свисали пучки ароматных трав и окорока, приготовленные к сегодняшнему свадебному завтраку, а на кухонном столе, похоже, стояли праздничные кушанья под крышками. Я изо всех сил постаралась о них не думать. И о свадьбе тоже.

Элисса... К горлу у меня подступил комок, но я его отогнала. Сбросила ночные туфли, тихонько покачалась на босых пятках по холодному полу.

— Ну, давай! — скомандовала я брату.

---

¹ Харроу — одна из самых престижных школ для мальчиков в Англии.

— Раз тебе непременно надо... — Чарльз согнул плечи и медленно, неохотно принял боксерскую стойку. Потом опустил кулаки. — Знаешь что, сейчас слишком рано для бокса. И если у кого-то из нас будет на свадьбе синяк, маман нам устроит настоящую взбучку.

— Чарльз! — прошипела я и вперила в него пронзительный взгляд. Этому взгляду я научилась у Анджелины, средней сестры, — она была мастерица сверлить глазами. — Ты дал мне честное слово!

— Я и не отказываюсь, — поспешно сказал брат. — Если ты настаиваешь на боксе — будет тебе бокс. Но, может, сегодня ради исключения просто поборемся?

— Побороться? — Я тоже опустила кулаки и задумалась.

Боксу и фехтованию Чарльз научил меня в прошлом году, а Фредерик Карлайль недели две назад показал мне, как играть в бильярд. Фредерик официально считался папиным учеником по древним языкам, а неофициально был единственным мужчиной на всю Англию, способным вытерпеть строптивую Анджелину.

Значит, побороться... Почему-то мне не приходило в голову, что стоит взять уроки борьбы, а ведь у меня был целый список того, чему стоит научиться, пусть и тайком от мачехи.

— Никаких синяков и никаких споров, — произнес Чарльз.

— Будь по-твоему. — Я опустила кулаки. — Давай, показывай.

— Лучше ты пробуй, а я буду объяснять, что к чему. — Чарльз насупился. — А то мало ли... Итак, слушай внимательно. Подходишь ко мне вот так. Хватаешь меня вот тут и тут, — он положил мои руки куда следовало, — а потом делаешь рывок бедрами. Ой, погоди. Я хотел ска-

зять... — Он покраснел. — Прах побери! Если бы мачеха услышала, что я тут говорю...

— Чарльз, мне известно, что у меня есть бедра. — Я закатила глаза. — Даже если это слово считается неприличным для леди, они у меня всё равно есть.

— Для леди считается неприличным даже знать, что такое «бедро», не то что произносить, — буркнул Чарльз. — Но тебя-то, я вижу, приличия решительно не волнуют.

— Решительно, — согласилась я. — Итак, я делаю рывок бедрами, вот так...

— Нет-нет, неправильно. Вот так! — Чарльз медленно показал мне, как правильно. — Если сделаешь это, приложив достаточно сил, то перебросишь противника через бедро. Понимаешь, сначала ты лишишь его равновесия, а потом...

— Что у вас тут творится?

На пороге кухни стояла Анджелина. Я резко обернулась к ней и поскользнулась. А Чарльз, застигнутый врасплох, растерялся и не успел остановиться. Он довершил пресловутый рывок бедрами, и я полетела в воздух.

— Ой, мамочки!

Иногда я забываю, что мой лентяй-братец на самом деле очень сильный.

Я летела через всю кухню прямо в большой деревянный стол. Столкновения было не миновать. Я стиснула зубы, готовясь к удару, но...

...вместо этого зависла в воздухе. Анджелина что-то едва слышно пробормотала, и кухня наполнилась ароматом сирени. Я парила в воздухе над столом.

Всё-таки иногда от практикующей колдуньи в семье бывает немалый прок.

— Великолепно, — процедила Анджелина. — Вы оба просто молодцы, нечего сказать. Именно об этом Элисса и мечтала в день своей свадьбы.

...А иногда от практикующей колдуньи одна доука.

— Ой, да будет тебе!— Я показала сестре язык. — Элисса бы ничего не узнала.

— Даже если бы Чарльз швырнул тебя точнехонько в тесто, которое миссис Уоткинс приготовила для пирогов? — И Анджелина кивнула на стол, уставленный закрытыми мисками.

Чарльз тем временем, конечно, уже бочком отступал к двери, стараясь не встречаться с нами глазами.

— Никуда бы он меня не швырнул, если бы ты его не напугала, — горячо возразила я. — И вообще, застукай тебя Элисса за колдовством, она бы тоже не обрадовалась. Ты забыла, как обещала ей и маман, что больше не будешь колдовать — чтобы никто не узнал? Колдовать куда неприличнее, чем немножко побороться.

— Да что ты говоришь? — Анджелина грозно сложила руки на груди и приподняла одну бровь. — Прекрасно. В таком случае, больше ни одного заклятия. Ни единого. Я прекращаю колдовать. — И она многозначительно посмотрела на меня, висевшую в воздухе. — В конце концов, я не хочу ранить твое чувство приличия.

— Погоди, Анджелина, — вмешался Чарльз. — Ты отлично знаешь, что мне на всю эту колдовскую чепуху наплевать, но... — Он топтался перед сестрой, преграждавшей ему путь к выходу. — Но только мне в нашем бедламе поспать толком не дают. Что ни ночь, будят.

Анджелина отступила, не удостоив его даже взглядом.

— Что скажешь, Кэт?

Я вздохнула.

— Пусть так. Не опускай меня. Я и сама справлюсь.

Дело в том, что именно Анджелине повезло найти мамины старые книги по магии, полные заклятий, которые мама сочинила сама. Из-за этой магии от мамы отвернулось всё общество. Колдовское дарование обычно передается по наследству всем детям колдуньи, но Элисса у нас слишком благовоспитанная, ей и в голову не приходило попробовать. Чарльз даже не задумывался, есть у него колдовской талант или нет. А со мной мамиными книгами Анджелина делиться не намеревалась. Колдунья без единого заклятия — всё равно что обычный человек. Поэтому сейчас в моем распоряжении не было никаких спасительных средств.

Однако мама была не только колдуньей — был у нее еще один дар, куда более редкий. Мало кто слышал о Стражниках, наделенных врожденной магической силой. На них лежала ответственность за то, чтобы оберегать общество от всякого, кто пожелает применить колдовство во зло. Этот дар передавался по наследству лишь одному ребенку в семье — и достался от мамы мне.

А Стражнику не нужны словесные заклятия, чтобы соткать магию.

Я закрыла глаза и вызвала знакомое покалывающее тепло. Оно разгоралось, распирало грудь, пламя охватило голову, и вот уже я ничего другого не чувствовала. В ушах потрескивало электричество. Не открывая глаз, я поискала заклятие Анджелины и благополучно нащупала его.

— Нет! — прошипела я, вложив в это слово всю свою силу Стражницы.

Щелчок — и заклятие сестры распалось.

Я шлепнулась на пол почти с высоты своего роста. Падая, я успела крутануться, и потому рухнула на спину.

— Ой... ой-ой-ой... — Я села и потеряла плечо. — Наверняка есть способ получше.

— И ты со временем его освоишь, я уверена, — вздохнула Анджелина и подошла ко мне поближе. Голос у нее звучал, по обыкновению, язвительно, но она опустилась рядом со мной на колени и сноровисто растерла мне спину. Сразу полегчало. — Ты уже начала уроки в этом своем Ордене или нет?

— Пока нет. — Я прислонилась к сестре. От нее шло умиротворяющее тепло, а пальцы ловко сновали по моей спине. — Мистер Грегсон обещал в скором времени всё уладить. Мне сначала надо пройти посвящение. Почему-то всё затянулось.

Вообще-то я отлично знала, почему всё затянулось. Но не рассказывала Анджелине — и не собиралась.

Да, мама и правда была Стражницей. Но когда она познакомилась с папой и влюбилась в него, то так отчаянно стремилась покорить его сердце, что пустила в ход колдовство. Общество, одержимое приличиями, осуждало колдунов, но Орден Стражников осуждал их еще больше. Орден считал — это они виноваты в том, что общество ненавидит всех магов как таковых. За колдовство и любовные чары маму исключили из Ордена и тем едва не разбили ей сердце.

Я твердо решила восстановить мамину репутацию и разрушить эти дурацкие предрассудки — как только меня примут в Орден... Но только для этого нужно, чтобы меня сначала посвятили по всем правилам. И вот тут-то мне встретилось куда больше препятствий, чем я ожидала. Мама умерла молодой, но ее враги в Ордене были живехоньки.

— Вот и всё! — Анджелина напоследок крепко шлепнула меня по спине и выпрямилась. — Пойдем, Кэти. Раз

ты уже всё равно не спишь, сможешь мне приготовить церковь к венчанию.

— Эх... — Плечи у меня сами собой согнулись от уныния, и я вновь вспомнила всё то, о чем старалась не думать. — А это непременно нужно? — Я огляделась, стараясь отвлечься и отсрочить неизбежное. — Может, сначала поджарим тосты и позавтракаем?

— Некогда, — отрезала Анджелина и разгладила юбки. Она спустилась в кухню уже одетая в утреннее платье из розового муслина¹ — спокойная, собранная, будто сегодня обычный день, а вовсе не самый важный в жизни нашей сестры. — Думаешь, почему я встала затемно? Ты ведь тоже хочешь, чтобы свадьба Элиссы прошла безупречно?

— Ну разумеется... — Я тяжело вздохнула и поднялась с пола. — Но если нам придется всё утро увешивать церковь лентами и кружевами... погоди-ка! — Я покосилась на кухонные окна. — Еще не рассвело. Еще даже маман не поднялась. А ты терпеть не можешь рано вставать. И готовиться к свадьбе еще рано.

— Именно поэтому я и встала раньше маман. — Анджелина выудила два яблока из корзинки на буфете и бросила одно мне. — Ты ведь не захочешь, чтобы я колдовала при всём честном народе, правда? Ты ведь у нас такая любительница приличий! А я не собираюсь развешивать кружева и ленты вручную.

— Ну, раз так... — Я откусила яблоко и подмигнула сестре. — Тогда я составлю тебе компанию и присмотрю за тобой. Чтобы соблюсти приличия.

---

¹ Муслин (от фр. *mousseline* — кисея) — очень тонкая ткань из хлопка, шелка или льна.

В нашу маленькую сельскую церквушку я входила, наверно, десять тысяч раз. Всех нас, и меня, и сестер, и брата, крестили в ней, и, сколько себя помню, я каждое воскресное утро сидела в первом ряду на твердой деревянной скамье между сестрами и слушала папину проповедь, а тем временем его патрон, сквайр¹ Бриггс, громко храпел на своем почетном месте.

Проповеди я честно пыталась слушать. Но у папы была злосчастная склонность: начав говорить, он к середине проповеди уклонялся от темы и терял нить. Часто получалось, что начинал он увлекательно, но в конце концов принимался спорить сам с собой о том, как правильно толковать древнегреческие или латинские тексты, известные лишь ему самому. Должно быть, такое интересно слушать тем, кто владеет древними языками, но нас с сестрами учили только французскому — да и в нем успехи делала лишь Анджелина. К счастью для нас, Англия давно уже воевала с Францией, и потому, насколько я понимала, говорить на французском языке в обществе было не принято и знать его — необязательно.

Но все-таки я исправно отсиживала каждую воскресную проповедь, ради папы напустив на себя заинтересованный вид, потому что все остальные даже не притво-

---

¹ Сквайр — низший дворянский титул в Англии. Так называли помещиков-землевладельцев.

рялись. Местные фермеры и деревенские жители перешепывались или сонно посапывали у меня за спиной, а я тем временем рассматривала витраж в крошечном окне, запоминая каждую разноцветную завитушку, или пересчитывала древние, потемневшие от времени камни мощеного пола. Мне казалось, что наша церковь знакома мне до самого дальнего уголка и никогда уже ничем меня не удивит.

Но я ошибалась.

Сегодня, в день свадьбы Элиссы, церковь преобразилась.

С балок под сводчатым потолком свисали гирлянды белых роз. Они же украшали боковины церковных скамей. Вся церковь пропиталась цветочным ароматом. Розы были не совсем того оттенка, как те, заколдованные, которые мама когда-то выращивала в нашем саду, но тоже райски прекрасные. Пока Анджелины творила последнее заклятие, чтобы закрепить цветы попрочнее, я вспоминала, как Элисса водила меня маленькую в наш сад и усаживала среди маминых роз. А потом мачеха заставила садовника выкорчевать кусты, и лишь гордость помешала мне тогда не заплакать навзрыд.

— Ну, Кэти... — Анджелины наконец повернулась ко мне и торжествующе отряхнула руки. — Ты готова? Сделаешь свою часть работы?

— Разумеется, — ответила я и сглотнула подступившие слезы. Отлично. Наконец-то сестра научит меня еще одному заклятию. Я ведь так давно ее упрашивала. Когда меня официально примут в Орден, с колдовством придется распрощаться навсегда, поэтому я твердо решила поколдовать вволю, пока еще можно.

— Говори, что мне делать. — Я оглядела церковь. Как здесь стало красиво, чудесно, какое всё яркое! То, что

надо для свадьбы Элиссы. — По-моему, всё на местах, ты ничего не упустила.

— О, не волнуйся! — Анджелина улыбнулась. — Я придумала тебе отличное задание.

Я знала эту многообещающую зловещую улыбочку. Она не сулила ничего хорошего.

Через десять минут я проклинала судьбу за то, что родилась младшей из сестер, потому что мне пришлось тащить тяжеленную приставную лестницу из садового сарайчика за домом — вверх по холму к церкви. Кряхтя, я прислонила лестницу к стене церкви и сердито посмотрела на Анджелину, которая отдыхала на широких ступенях крыльца и с аппетитом хрустела яблоком. Неподалеку в каком-то курятнике уже закукарекали петухи, и вдали, за цепочкой зеленых холмов, показались первые лучи солнца.

— Ты об этом пожалеешь, — сказала я сестре.

Анджелина сделала круглые глаза и изобразила на лице полнейшую невинность.

— Но, Кэт, ты сама сказала, как опасно, если кто-нибудь проведает про нашу магию! Ты ведь не хочешь, чтобы гости заподозрили неладное? Если миссис Бриггс заметит, как высоко закреплены розы, а мы не сумеем объяснить, как нам удалось их туда повесить, — быть беде. Она и так давно подозревает, что мы унаследовали мамины способности.

Я прищурилась, как делала сама Анджелина, когда сердилась.

— Я с тобой еще поквитаяюсь, — пообещала я. — Вот закончится свадьба — увидишь.

А свадьба неумолимо приближалась. Когда, украсив церковь, мы вернулись в дом, я с порога почувствовала, как ноздри защекотал запах стряпни, исходив-

ший из кухни. Миссис Уоткинс уже встала и трудилась вовсю.

И не только она. Из гостиной раздавался голос мачехи — пронзительный и встревоженный:

— И если, не приведи боже, увидите, что тарелка миссис Бриггс пустеет, то, ради всех нас и ради вашего же блага, сразу подкладывайте ей еще, не то я вас уволю!

«Наставляет новых служанок», — одними губами объяснила мне Анджелина и беззвучно притворила входную дверь.

Я тайком заглянула в гостиную. Мачеха наняла двух деревенских девушек, только на сегодня — помочь с грандиозным праздничным завтраком после венчания. И теперь обе они в ужасе застыли перед мачехой, а та нервно расхаживала по гостиной и читала им нотацию. Мне стало их жалко. Не зря они боялись.

С того самого дня, как Элисса обручилась с мистером Коллингвудом, — а этот джентльмен был так богат, что не моргнув согласился уплатить все ужасающие карточные долги Чарльза, — так вот, с того самого дня мачеха была как натянутая струна и всё ждала какого-нибудь подвоха. Даже нескрываемая и искренняя влюбленность мистера Коллингвуда в Элиссу — и та ее не успокаивала. Мачеха вопреки всякой логике вбила себе в голову, что нас ждет неминуемая катастрофа и что мистер Коллингвуд передумает жениться и мы останемся без его невероятных богатств — и всё это произойдет, если она не вникнет в каждую мелочь предстоящей свадьбы. У мачехи и раньше был тяжелый нрав, а теперь, помешавшись на свадьбе, она стала попросту невыносима, а казалось бы, куда уж хуже.

Но всё-таки кое-что нас радовало. Хотя мачеха всегда хвасталась, какие у нее обширные связи в высшем